

Кошмары снятся всегда под утро. Эту истину Сергей Козодоев усвоил много лет назад, будучи школьником. Сегодняшний понедельник не стал исключением. Проклятый сон снился ему, наверное, в сотый раз. Начался он точно так же, как и обычно. Сергей в отсутствие хозяина осматривал квартиру Константина Бурлакова, любовника своей матери.

Неожиданно Бурлаков вернулся домой, увидел разбросанные в спальне вещи и закричал: «Это еще что за бардак?»

Задыхаясь от бешеного сердцебиения, Козодоев схватил со стены кухонный молоток, выбежал в прихожую и со всего размаху ударил им в висок хозяина жилища.

Дальше сон имел несколько вариаций. Сегодня Сергей успел добежать до входной двери, но открыть ее не смог. Бурлаков одним прыжком догнал его и стал душить. По опыту предыдущих снов Козодоев знал, что бороться с Бурлаковым бесполезно. Чтобы избавиться от кошмара, надо несколько раз порывисто вздохнуть.

Сергей резко, коротко и быстро сделал это, застонал и проснулся. Не включая свет, нашарил на прикроватной тумбочке сигареты, лежа в кровати, закурил.

«Сегодня все прошло на удивление быстро», — подумал он.

Но так благополучно кошмары заканчивались не всегда. Как-то во сне Козодоев решил не пытаться от-

крыть дверь и убежать, а дать отпор хозяину квартиры. После удара молотком он отскочил не к двери, как обычно, а в угол прихожей и встал в оборонительную стойку.

Бурлаков увидел изменения в привычном сценарии, засмеялся и остался на месте. Руки его стали удлиняться, росли, пока не достигли шеи Козодоева. Напрасно в ту ночь Сергей старался оторвать цепкие пальцы от своего горла. Хватку Бурлакова разжать было невозможно. Козодоев стал задыхаться. От верной смерти его спасла жена.

— Ты что стонешь на всю квартиру? — растолкав Козодоева, спросонья раздраженно спросила она. — Опять кошмар привиделся? Сходил бы ты к психиатру.

— Заткнись! — зарычал Сергей. — Еще раз ты мне про врачей скажешь, я тебе финансирование обрежу. Будешь в одной шубе всю зиму ходить.

Жена обиделась и ушла на диван. На кровати все равно спать было невозможно. После кошмарных снов Козодоев просыпался мокрый, словно его прямо в постели окатили водой из ведра.

Зайдя в ванную смыть пот с лица, он взглянул на себя в зеркало и обомлел. На шее у него отчетливо проступили следы пальцев человека, душившего его во сне.

— Что это? — в ужасе прошептал Сергей. — Вчера этого не было!

Он примерил свою пятерню к шее. Все сходилось. Каждый палец вставал точно на место овального пятна, проступившего на коже.

— Это невероятно! — растерянно прошептал Сергей. — Сон не может материализоваться.

«А вдруг это жена? — с подозрением подумал он. — Проснулась ночью, стала меня душить, а когда поняла, что ничего не получается, разбудила. Могла же она так

сделать? Да, вполне. Только зачем? Хотела остаться богатой вдовой? Такая версия имеет право на существование, но она мало правдоподобна. После моей смерти жене пришлось бы объяснять следствию, при каких обстоятельствах я был убит. Не скажет же она, что ночью к нам проник злоумышленник и задушил меня прямо на супружеском ложе, в ее присутствии».

Козодоев еще раз примерил пальцы к горлу. Его пятерня подходила идеально, а вот для жены расстояние между пальцами было великовато.

«Это не она», — решил Сергей.

После этого памятного кошмара ему пришлось целую неделю выходить из дома в свитере с высоким воротником. Объяснять отцу и коллегам, что за следы у него на шее, Козодоев не собирался.

Выкурив сигарету, Сергей еще немного полежал, рассматривая в темноте потолок, и пошел принять душ. По опыту предыдущих кошмаров он знал, что уснуть после схватки с Бурлаковым все равно не удастся.

Стоя под струями горячей воды, Козодоев стал вспоминать, как прошел вчерашний вечер:

«Пить мы начали с самого утра. Вечером поехали в ресторан. За соседним столиком гуляла большая шумная компания. Я попробовал познакомиться с девушкой, сидевшей там, но два плечистых мужика не дали с ней потанцевать. Кто были эти здоровяки в малиновых пиджаках? По виду они бывшие спортсмены, а сегодня — начинающие бандиты-рэкетеры. Хорошо, что мы сцепиться не успели, а то опять поднялся бы скандал, который закончился бы милицией.

Так, что было после? Ах да! Я вызвал проститутку через агентство по оказанию интимных услуг и увел ее в ка-

бинет директора ресторана. Потом?.. Как я попал домой? Сам дверь открыл или мне кто-то помог?»

Приведя себя в порядок, Козодоев поставил чайник, достал тетрадь и сделал запись:

«11–12.10.1992 г. Ресторан, проститутка, аут. Как попал домой, не помню. Сон короткий, на три вдоха».

Устав от ночных кошмаров, Сергей решил найти причину их возникновения. Для начала он стал записывать дату сновидения и события, предшествующие ему. Пока никакой стройной системы не прослеживалось.

«Надо наработать базу, — решил он, пролистывая свои заметки. — Чем больше я накоплю записей, тем быстрее докопаюсь до истины. А пока...

Что там, кстати, в мире делается? Депутаты еще не свергли Ельцина?»

Козодоев включил компактный цветной телевизор, стоявший на холодильнике.

— На прошедших в Грузии выборах главы республики победил Эдуард Шеварднадзе, — сообщила дикторша местного телевидения.

Сергей всмотрелся в лицо Шеварднадзе. Этот стареющий седой грузин показался ему крепко пьющим человеком, страдающим почечной недостаточностью.

«Говорят, будто незадолго до распада Советского Союза Шеварднадзе под предлогом укрепления политики добрососедских отношений продал американцам Берингово море, — припомнил Козодоев. — То ли вместе с островами сбыл, то ли только водную поверхность, но бабла на этой сделке рубанул он немерено. Детям и внукам на всю жизнь хватит, еще на три поколения вперед останется. Да что там внуки! На банковские проценты от этой сделки Шеварднадзе может целый год всех мужиков в Грузии чачей поить и шашлыком угощать. Вот что значит оказаться в нужный момент в нужном месте!

Мне бы так. Я бы тоже не сплеховал, продал бы супостату кусочек родины. — Сергей отхлебнул горячего кофе, с наслаждением закурил. — У нас посреди реки, напротив центра города, есть небольшой островок. Подарили бы его мне, а я бы продал его американцам и на эти деньги организовал собственный бизнес где-нибудь в Германии или в Голландии. Здесь, в России, вкладываться в производство особого смысла нет. А вот за бугром есть где развернуться. Там закон и порядок, а у нас бардак и криминальный беспредел».

Словно откликнувшись на его размышления, дикторша перешла к местным новостям:

— Утром в воскресенье на вещевом рынке произошла массовая драка между вьетнамцами и неизвестными молодыми людьми в кожаных куртках. По сообщению очевидцев, пострадали несколько вьетнамцев. Раскладушки с их товаром были опрокинуты на землю, сами торговцы избиты. Неформальный лидер вьетнамской диаспоры по кличке Ханойский Джо принял в драке активное участие и беспрепятственно скрылся с места происшествия. По сведениям, полученным из правоохранительных органов, с заявлением о возбуждении уголовного дела никто из пострадавших не обращался.

Внимательно просмотрев сюжет о побоище на рынке, Сергей вспомнил, когда в Сибири появились вьетнамцы.

Впервые он заметил их в конце семидесятых годов. Тогда из Вьетнама для работы аппаратчицами на заводе химволокна прибыли девушки. Их поселили в общежитии, расположенном на бульваре Машиностроителей, и тщательно оберегали от контактов с русскими парнями. Как только ни старались местные донжуаны просочиться в общежитие, ничего не получалось. Охранники-переводчики не зря свой хлеб ели. За тринадцать лет пребывания вьетнамок в Сибири мало кто из парней мог

похвастаться, что добился от прекрасной азиатки интимной близости.

С началом перестройки завод химволокна стал чахнуть, а после распада СССР работы для вьетнамок не оказалось вовсе. Но девушки никуда не уехали. Мало того, к ним присоединились соотечественники. С началом свободной торговли представители вьетнамской диаспоры занялись челночным бизнесом. Они проводили из Ханоя поддельные спортивные костюмы и кроссовки, сшитые на кустарных фабриках. За каких-то полгода вьетнамцы так наводнили рынок подделками, что к осени 1992 года все бандиты и рэкетеры дружно отказались от некогда престижнейшего «Адидаса» и переоделись в причудливые малиновые и темно-зеленые пиджаки.

После новостей началась реклама женских гигиенических прокладок.

— Тьфу, мать твою! — выругался Козодоев. — Как раз к завтраку! Черт побери, я при советской власти об этих женских особенных днях первый раз услышал лет так в пятнадцать, а теперь любой дошкольник про это знает. Что за жизнь пошла?! По телевизору что ни реклама, то перхоть, кариес или критические дни! Других проблем в стране нет?

Сергей щелкнул пультом и переключил телевизор на другой канал.

— Обостряются отношения между исполнительной и законодательной властью. Депутаты Верховного Совета в очередной раз...

Козодоев не стал дослушивать набившие оскомину новости о противостоянии президента и депутатского корпуса под руководством спикера парламента Хасбулатова. Что Руцкой со всеми депутатами, вместе взятыми, что Ельцин с его вороватым окружением, из Сибири вы-

глядели совершенно одинаково, как пауки в консервной банке, готовые при случае сожрать друг друга. Если во время августовского путча 1991 года Козодоев и его отец были за Ельцина, то теперь они не могли отдать предпочтение какой-то из противодействующих группировок. Слишком уж были похожи их представители и внешне, и по злобной угрожающей риторике.

Сергей достал из холодильника бутерброды и попытался позавтракать, но похмельное нутро не принимало пищу. Чтобы не ехать на работу голодным, он разбил три сырых яйца в кружку, круто посолил и залпом выпил. Гадость, конечно, но чем-то же надо нейтрализовать ядовитые продукты распада этилового спирта. Сырые куриные яйца для этой цели — незаменимое средство.

Потом за Сергеем заехала служебная «Волга». Новая рабочая неделя началась.

2

В январе 1988 года Владимир Семенович Козодоев был вызван на производственное совещание в Сургут. Из далекой таежной глубинки на попутном грузовике он добрался до Колпашева, где трое суток дождался летной погоды. Как только небо прояснилось, пассажирский «Ан-2» взял курс на столицу заснеженной Северной Сибири.

В аэропорту прибытия Козодоева встретили двое мужчин.

— Владимир Семенович? — уточнил один из них. — Вам необходимо проехать с нами.

— Извините, я на совещание должен успеть, — начал было протестовать Козодоев, но мужчины даже слушать его не стали.

— Мы из КГБ СССР. Следуйте за нами. Вопросов не задавать, по сторонам не оглядываться!

Козодоев как загипнотизированный последовал за этими людьми. Они привезли его в горком партии, проводили в кабинет, расположенный на втором этаже.

Там Владимира Семеновича ожидал сухонький старичок лет семидесяти пяти со звездой Героя Социалистического Труда на груди.

— Садитесь, — предложил он. — Давайте знакомиться. Я представитель оборонного отдела ЦК КПСС Васильев Василий Иванович.

Козодоев представился, сел напротив Васильева за приставной столик.

Представитель ЦК показал на две пухлые папки, лежащие перед ним, и проговорил:

— Буду откровенен с вами. Вот здесь на вас собрано подробнейшее досье. Мне известно о вас все, даже то, что вы сами о себе не знаете.

Васильев достал из кармана пачку «Беломорканала», щелчком выбил из нее папироску, размял пожелтевшими от никотина пальцами, закурил.

Пока он был занят своим делом, Владимир Семенович молчал.

Выпустив клуб едкого дыма в потолок, Василий Иванович продолжил:

— Когда-то, много лет назад, я присутствовал на совещании, где принималось решение всемирно-исторического значения.

Услышав это хвастливое заявление, Козодоев и бровью не повел. Он уже понял, как надо себя вести: сидеть и внимательно слушать, что ему будет рассказывать представитель ЦК. А как же иначе, если его чуть ли не под конвоем доставили не куда-то, а в горком партии. Первое, на что ему указал странный старичок, была папка, на титульном листе которой красовалась надпись «Секретно. КГБ при Совете министров СССР. Дело про-

верки кандидата № 37/12 (Козодоев В. С.). Том 1». Если бы представитель ЦК, назвавшийся Васильевым, заявил, что лично знал Ленина и был на дружеской ноге со Свердловым, то Козодоев с готовностью согласился бы с этим утверждением и даже не стал бы в уме подсчитывать, сколько лет было Васильеву в год смерти вождя мирового пролетариата.

— В тот день мы решали, кто будет первым космонавтом в СССР, приоткроет для человечества дверь в космос, — продолжил Василий Иванович. — По уровню подготовки этим человеком должен был быть Герман Титов. Но его кандидатура не прошла по политическим соображениям. Не может первый космонавт Советского Союза и всей планеты иметь имя «Герман», что значит «германец». Первый человек, отправившийся в космос, должен быть русским и только русским и происходить из народа. Биография его должна быть чиста и прозрачна, без темных пятен и сомнительных родственников. Этим требованиям соответствовали несколько кандидатов. Кого-то из них продвигал руководитель космической программы, кого-то — представители оборонно-промышленного комплекса, а за кем-то стояли генералы из ВВС. В самый разгар спора поднялся мой начальник, имя которого вам знать не надо. Оно до сих пор засекречено.

Мой тогдашний шеф сказал примерно так:

«Что такое первый полет человека в космос? Во-первых, это наглядный показатель достижений советской науки и техники, а во-вторых, демонстрация всему миру отменного физического здоровья одного отдельно взятого человека, первого космонавта. По большому счету, в космос может полететь любой из нас, кто выдержит перегрузки. Космонавт в ракете «Восток» — это обычный пассажир. Он не будет управлять полетом или принимать ответственные решения. Да, жизнь его будет

подвергаться смертельному риску, но что такое жизнь одного человека, когда речь идет о престиже нашего государства? Давайте отставим в стороне все, что связано с полетом, и подумаем о том, что будет после него. А после будет триумф советского государства, всего нашего народа и одного отдельно взятого человека. Этот человек в глазах всего мира будет олицетворением всего того, что добился наш народ со времен Великой Октябрьской социалистической революции. Моя мысль вам понятна? Нашего первого космонавта будут приглашать к себе короли и президенты, главы правительств и дружественных нам рабочих партий. Его фотографии разлетятся миллионами экземпляров по всему миру. Каждый человек, глядя в лицо первого советского космонавта, должен видеть в нем весь наш народ, всю страну, а не железяку, которая вывела космический корабль на орбиту. Кто достоин представлять наш народ, кому с первого взгляда поверят все люди на планете Земля? Юрию Алексеевичу Гагарину. У него обворожительная улыбка. Когда Гагарин улыбается, то веришь ему сразу и безоговорочно».

Васильев решительно ввинтил в пепельницу окурок, пытливо, с прищуром посмотрел в глаза гостю.

— Вот так-то, Владимир Семенович! — подытожил свой исторический экскурс представитель ЦК. — Первый космонавт был выбран по улыбке, а не по своим морально-деловым качествам. Стоит сказать, что Юрий Алексеевич полностью оправдал наши надежды. Весь мир полюбил его, а вместе с ним — и Советский Союз, где живут такие славные парни. Вот что значит сделать правильный выбор! Одна улыбка — и наше государство приобрело миллионы сторонников и друзей по всему миру. Улыбка это качество. У вас тоже есть качество, которое выделяет вас из всех кандидатов для выполнения сложного и ответственного поручения партии. Это по-

рядочность. Не честность и не верность долгу, а именно она.

— Василий Иванович, могу я задать вопрос? — робко спросил Козодоев.

— Пока нет! — отрезал представитель ЦК. — Вначале поговорим о деле. Что вас смутило? Слово «поручение»? Поверьте, мы не собираемся забрасывать вас за границу с секретным заданием и не предложим полететь в новейшей ракете в межзвездное пространство. Вы крепкий руководитель нижнего звена советской газовой промышленности, и именно в этом качестве нам интересны. — Старичок помолчал, прикинул, что еще могло сбить с толку Козодоева, догадался, усмехнулся: — Вы не можете понять, почему я, представитель военного отдела ЦК партии, занимаюсь сугубо производственными вопросами? Запомните, главная линия обороны нашего государства проходит через промышленность, экономику, буровые вышки, находящиеся где-то в тайге. Сто заводских труб всегда были и будут могущественнее, чем тысяча танков и сто тысяч солдат. Из дыма заводских труб можно выковать атомный меч, который одним ударом превратит танковые колонны в ручейки расплавленного металла, а целые полки и дивизии просто испепелит, разметает по всему свету отдельными молекулами.

Козодоев представил на секунду апокалипсическую картину термоядерной войны и согласно кивнул. Мол, да, экономика сильнее штыка.

— Сейчас наша страна переживает не лучшие времена, — продолжил Васильев. — Партия решила открыть новый фронт для укрепления нашей обороноспособности. Вам предстоит быть одним из солдат на этом фронте. Берите ручку и пишите заявление об увольнении с прежнего места работы по собственному желанию.